

ПОЧЕМУ ПОЛОЦКИЕ КНЯЗЬЯ БЫЛИ СОСЛАНЫ В ВИЗАНТИЮ: СВИДЕТЕЛЬСТВА ИСТОЧНИКОВ

Высылка полоцких князей — потомков Изяслава Владимировича — в Византию, осуществленная по приказу Мстислава Владимировича Киевского в 1129 году, стала этапным событием как для истории полоцких князей и Полоцкой земли домонгольского периода, так и для всего рода Рюриковичей, оказавшись самым ярким примером одного из способов разрешения междукняжеских противоречий — *ссылки*¹. В связи с этим важно понять, что же стало истинной причиной столь серьезного шага: высылки полоцких князей — Изяславичей из Руси в Византию. Для этого необходимо восстановить ход событий, предшествовавших и последовавших за ссылкой, а также внимательно изучить то, как древнерусские летописцы интерпретировали причины такого шага Мстислава Киевского.

* * *

В 1125 году умер киевский князь Владимир Всеволодович Мономах. Его преемником стал старший сын — Мстислав, белгородский князь в 1117–1125 г. Более того, потомки Мономаха к 1125 году заняли все основные русские княжеские столы, кроме черниговского и полоцкого: Ярополк Владимирович сидел в Переяславле, а его братья Вячеслав — в Турове, Юрий — в Ростове, Андрей — во Владимире-Волынском. Старший сын Мстислава, Всеволод, занимал новгородский стол, двое других — Изяслав и Ростислав — сидели, соответственно, в Курске и Смоленске.

Весной 1127 года Черниговом завладел зять Мстислава Всеволод Ольгович, пленивший своего дядю Ярослава Святославича². Все это произошло при явном попустительстве Мстислава Киевского, который имел «ряд» с Ярославом, но так и не пришел на помощь. Таким образом, к лету 1127 года на Руси оформилась гегемония потомков Владимира Мономаха и ближайших родственников нового киевского князя.

Надо сказать, что южная окраина Полоцкой земли (Минское княжество) еще в 1119 году оказалась в числе владений Владимира Мономаха и его потомков³. К 1127 году в Полоцке правил один из сыновей Всеслава Давыд, чей сын Брючислав был женат на дочери Мстислава Владимировича. Однако в данном случае брачные узы значения не имели: киевский князь организовал «тотальную» акцию против полоцких князей: одновременно (14, а по другому

¹ Первым русским князем, отправленным в ссылку, судя по известиям русских летописей, был знаменитый Олег Святославич («Гориславич») в 1079 году: «... а Олга емше Козаре, поточиша за море къ Царюграду. Всеволодь (Ярославич Киевский. — А. Р.) же посади посадника Ратибора Тмутороканю». ПСРЛ. Л., 1926. Т. I. Стб. 204; М., 1908; Т. II. Стб. 196). Практику высылки своих родственников продолжил правнук Всеволода Ярославича и племянник Мстислава Владимировича Андрей Боголюбский в 1162 году: «Том же лете выгна Андреи епископа Леона ис Суждаля и братю свою погна — Мстислава, и Василка, и два Ростиславича, сыновца своя, мужи отца своего переднии. Се же створи хотя самовластець быти всеи Суждальской земли. Том же лете идоста Гюргевича Царюгороду, Мстислав и Василко, с матерью и Всеволода молодого пояша с собою, третьего брата. И дасть царь Василкови в Дунаи четыре города, а Мстиславу дасть волость Отскалана». (ПСРЛ. Т. II. Стб. 520, 521.) Интересно, что во всех трех случаях местом пребывания изгнанных князей была Византия.

² ПСРЛ. Т. I. Стб. 296. (О браке Всеволода Ольговича и дочери Мстислава Владимировича мы узнаем из летописных статей под 6648 и 6649 г. в Лавр. и Ипат.: «посла Изяслав к сестре своей, рече: “Испроси ны оу зяте Новгород Великий братоу своему Святополку.” Она же тако створи». (ПСРЛ. Т. II. Стб. 309; 307, 308; Т. I. Стб. 308, 309). Точной даты женитьбы Всеволода на дочери Мстислава летописи не сообщают: сообщение В. Н. Татищева о браке Ольговича и «дщери Мстиславлей Агафии» под 1116 годом является ошибочным предположением. (Татищев В. Н. История Российская. М.; Л., 1964. Т. IV. С. 181). В основе татищевского известия лежит следующее сообщение Ипат. под 1116 г.: «том же лете Володимерь отда дщерь свою Огафью за Всеволодка». (ПСРЛ. Т. II. Стб. 284) Речь идет о браке дочери Владимира Мономаха Агафии и князя городенского Всеволодка Давыдовича. Брак же Всеволода Ольговича и дочери Мстислава Великого следует относить к середине 1120-х годов, судя по дате брака их старшего сына Святослава (1143 г.) и времени начала его политической и военной карьеры (1142 г.) (См.: ПСРЛ. Т. II. Стб. 310, 313).

³ ПСРЛ. Т. II. Стб. 285.

источнику — 11 августа⁴) должны были быть нанесены сразу четыре удара — Вячеслав Туровский, Андрей Владимиро-Вольинский, Всеволодо Городенский (зять Мстислава Киевского) и Вячеслав Ярославич Клеческий (скорее всего, сын Ярослава Святополковича, в свое время женатого на дочери того же Мстислава Киевского) шли к Изяславу; Изяслав Мстиславич с великокняжеским полком и киевский боярин Иван Воитишич с торками были посланы на Логожск; Всеволод Ольгович «с братею» двигался на Стрежев; Ростислав со смолянами шел на Друцк⁵. Первые три пути предполагали движение с юга на север, четвертый — с востока на запад. Кроме того, с севера на юг, завершая охват Полоцкой земли, двигался новгородский отряд Всеволода Мстиславича «на Неколось». Таким образом, мы имеем дело с общерусской и при этом с «семейной» коалицией князей. Каковы же были результаты похода? Был занят и разграблен город Изяславль, уведены в полон изяславльцы и логожане, князь Давыд Полоцкий был изгнан со своего стола, а на его место с согласия Мстислава Киевского полочанами был посажен Борис-Рогволод Всеславич⁶. Однако уже в следующем году князь Борис-Рогволод умер. Неизвестно, кто занял полоцкий стол после него. В 1129 году Мстислав Киевский отправил в ссылку в Константинополь Давыда, Ростислава и Святослава Всеславичей, а также Василия и Ивана Борисовичей-Рогволодовичей вместе с женами и детьми. В Полоцке был посажен Изяслав Мстиславич, а в других городах княжества — мужи Мстислава⁷.

Многое изменилось со смертью Мстислава Владимировича в 1132 году. Между сыновьями и внуками Мономаха началась борьба за перераспределение княжеских столов. В один из моментов Изяслав Мстиславич был переведен дядей Ярополком Владимировичем Киевским в Переяславль, а в Полоцке оставлен его младший брат Святополк. Этой переменной воспользовались полочане, выгнавшие Святополка и посадившие на его место Василька Святославича, внука Всеслава⁸ (неизвестно, был ли он выслан вместе с другими полоцкими князьями в Византию и вернулся сразу же после смерти Мстислава Киевского или же был оставлен на Руси). Наконец, под 1139/40 г. Ипатьевская летопись сообщает о возвращении из Константинополя двух полоцких княжичей⁹: одним из них, вероятно, был Василько — Рогволод Борисович-Рогволодович, ставший князем в Полоцке в 1140-е г.

* * *

Первым из российских историков, обратившихся к интерпретации полоцких событий 1120-х годов, стал В. Н. Татищев. В I редакции своего труда, впервые опубликованной в 1964 году, ученый весьма последовательно передает текст Лаврентьевской и Ипатьевской (далее — Ипат.) летописей о походе коалиции русских князей на Полоцкую землю в 1127 году, лишь в одном месте добавляя фразу о том, что «полочане, **видя Мстислава воююща за неправду Давыдову** (выделено нами. — А. Р.), сотоснувшись, выгнаша Давыда со сынми», в качестве пояснения. Рассказывая под 1129 годом о высылке Всеславичей в Византию, историк достаточно точно цитирует текст Воскресенской летописи (далее — Воскр.) под 1129 г. и Ипат. под 1139/40 г., добавляя лишь несколько деталей, в частности о приеме полоцких князей в Константинополе¹⁰.

Во II редакции «Истории Российской», два первых тома которой увидели свет еще в XVIII веке, описания событий 1127—1129 г. обросли новыми подробностями «от автора». Во-первых, Татищев дал свою интерпретацию причин похода 1127 г. без опоры на существующие источники: «В то ж время Мстислав, великий князь, *видя полоцких князей великое безпокойство, что области, данные братьям и сынам его, непрестанно нападая, разоряли, послал на них братьев*

⁴ Там же. Стб. 292; Т. I. Стб. 298.

⁵ ПСРЛ. Т. I. Стб. 297, 298; Т. II. Стб. 292.

⁶ ПСРЛ. Т. I. Стб. 298, 299; Т. II. Стб. 292, 293.

⁷ ПСРЛ. Т. II. Стб. 293, 304; Т. VII. М., 2001. С. 28; Т. 25. М., 1949. С. 31.

⁸ ПСРЛ. Т. I. Стб. 301, 302.

⁹ ПСРЛ. Т. II. Стб. 303.

¹⁰ Татищев В. Н. История Российская. Т. IV. С. 187, 188.

своих четырьмя пути» (выделено нами. — *А. Р.*). Следуя собственной логике, историк добавляет от себя причину высылки полочанами князя Давыда Всеславича с сыновьями из Полоцка, мотивируя это тем, что «он неправо дал причины к войне неповинных людей разорять». Во-вторых, летописный рассказ о высылке полоцких князей в Византию был дополнен массой подробностей, включая речи Мстислава и полоцких князей¹¹.

Н. М. Карамзин в своих примечаниях к «Истории государства Российского» процитировал сообщения Лавр. и Ипат. о событиях вокруг полоцких князей в 1120-е годы и при этом выделил в отдельную группу добавления из II редакции труда Татищева, никак их не комментируя. В основной же части своего сочинения Карамзин пишет о покорении Мстиславом «древней области Кривичей... чего напрасно хотели его деды» (отсылка к событиям времен Всеслава Полоцкого и Ярославичей 1060–1070-х годов)¹².

С. М. Соловьев в своей «Истории России с древнейших времен», к сожалению, слишком доверчиво отнесся к домыслам, содержащимся во II редакции труда Татищева: историк обратил внимание на сообщение об опустошении полоцкими князьями соседних областей и предположил, что «быть может, Всеславичи не могли забыть потери Минска (отнятого Мономахом в конце 1110-х г. — *А. Р.*), и это было главным поводом к войне»¹³.

В конце XIX века к теме изгнания полоцких князей в Византию обратились авторы специальных исследований по истории Полоцкой земли. Так М. В. Довнар-Запольский полагал, что причины похода 1127 года неизвестны, «хотя из последующих событий можно догадываться, что Давид Всеславич отказался от участия в общерусских делах — в походах на Половцев, и, вероятно, не признал великокняжеской власти Мстислава»¹⁴. Догадки Довнар-Запольского строятся на прочтении известия Ипат. под 1139/40 г. и II редакции труда Татищева, на которые он сам и ссылается. Кроме того, историк разделяет точку зрения Карамзина, что за ссылкой полоцких князей в Византию стоят «чисто личные стремления деятельного представителя Мономахова рода», т. е. Мстислава Владимировича¹⁵.

Наиболее простую позицию по исследуемому нами вопросу занял В. Е. Данилевич. Он пересказал известие под 1127 г. о походе коалиции русских князей на Полоцкую землю, сообщил, что причин похода «летопись не указывает», и назвал мнения коллег — историков (Карамзина, Соловьева, Довнар-Запольского) «домыслами». Затем историк привел известие Ипат. о причинах ссылки Всеславичей¹⁶.

Ряд советских историков (Б. А. Рыбаков, Л. В. Алексеев) вернулись к версии Довнар-Запольского о неповиновении полоцких князей киевскому князю Мстиславу Владимировичу, следствием чего стал поход 1127 г. и затем высылка полоцких князей в Константинополь¹⁷. Российский историк-эмигрант Г. В. Вернадский нашел «геополитическую» причину высылки полоцких князей в Византию: «Внимание Мстислава было направлено на Балтийский регион. Чтобы исключить любые помехи своей власти со стороны князей Полоцких, он захватил их земли, а всех членов семьи выслал в Константинополь (1130 г.)»¹⁸. В связи с последней датой хотелось бы обратиться к вопросу о хронологии. Н. Г. Бережкову путем сопоставления с Новгородской первой летописью, которая твердо придерживается мартовского стиля в данной части, удалось показать,

¹¹ Там же. Т. II. М.; Л., 1963. С. 139, 140, 142.

¹² Карамзин Н. М. История государства Российского. Т. II–III. М., 1991. С. 106.

¹³ Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Кн. 1. М., 1988. С. 401.

¹⁴ Довнар-Запольский М. В. Очерк истории Кривичской и Дреговичской земель до конца XII столетия. Киев, 1891. С. 93.

¹⁵ Там же. С. 96.

¹⁶ Данилевич В. Е. Очерк истории Полоцкой земли до конца XIV столетия. Киев, 1896. С. 76, 78.

¹⁷ Рыбаков Б. А. Киевская Русь и русские княжества XII–XIII в. М., 1982. С. 520; Алексеев Л. В. Полоцкая земля (очерки истории северной Белоруссии) в IX–XIII в. М., 1966. С. 258–261.

¹⁸ Вернадский Г. В. Киевская Русь. Тверь; М., 2000. С. 108.

что «статьи 6633–6640 (1125/6–1132/3) годов Лаврентьевской соответствуют статьям под 6634–6641 г. Ипатьевской. Лаврентьевская продолжает применять мартовский стиль, а Ипатьевская дает обозначение годов на единицу больше, т. е. ультрамартовское»¹⁹. Таким образом, поход коалиции русских князей на Полоцк следует датировать 6635 (1127/8) г., а высылку полоцких князей в Византию 6637 (1129/30) г.

Надо сказать, что всех историков, о которых шла речь выше, объединяет одна принципиальная особенность: выводы о причинах высылки полоцких князей в Византию у них строятся на буквальном следовании за рассказом летописца. Текстологический разбор источников в данных исследованиях отсутствует. Неудивительно, что при таком подходе одни историки доверяют и развивают домыслы Татищева (Соловьев), другие механически соединяют данные летописей и своих предшественников (Довнар-Запольский), а третьи просто цитируют летописи и Татищева (Данилевич) и т. д.

Кроме них свидетельствами о причинах высылки полоцких князей занимался ряд отечественных ученых, изучавших раннее летописание XI–XII в. (А. А. Шахматов, А. Г. Кузьмин). Однако их интересовали лишь чисто текстологические вопросы (время и источник происхождения текстов, пути попадания в позднейшие своды и т. д.). В связи с этим анализ их трудов отнесен в текстологическую часть нашего исследования. Что касается работы Кузьмина «Начальные этапы древнерусского летописания», то ряд высказываний ее автора вызывает недоумение: «Под 1127 годом обе летописи (Ипат. и Лавр.) согласно рассказывают о походе, организованном Мстиславом Владимировичем “на Кривиче”, где пытался обособиться Изяслав Святополчич» (летописи ничего не сообщают о связях Изяслава Святополчича и полоцких князей); рассказ о причинах ссылки полоцких князей в Византию в Лавр. («О сих же Всеславичих...») «вышел не из окружения Мстислава — видны следы приверженности Ярополку Владимировичу»²⁰ (при чем здесь всегда лояльный к киевскому князю Мстиславу Ярополк, автор не объясняет).

Таким образом, новизна работы заключается в том, что исследование причин, приведших к ссылке полоцких князей в Византию, построено на основе текстологического изучения имеющихся по данной проблеме источников, верификации содержащихся в них сведений, а не полного доверия к имеющимся данным.

* * *

Под 1128 годом в ряде русских летописей находится фрагмент, который А. А. Шахматов назвал «вставкой о Всеславичах»²¹. Речь идет об отрывке, объясняющем истоки вражды полоцких и остальных русских князей XI — первой трети XII в. Наши разыскания позволили выявить две редакции данного отрывка: одну из них находим в Лаврентьевской (далее — Лавр.), Радзивиловской, Никоновской летописях и др.²², вторую — в Московском своде 1479 г. (Уваровский и Эрмитажный списки) (далее — МС) и в Воскресенской летописи²³. Кроме того, текст отрывка «о Всеславичах» имеет параллели с рассказом ПВЛ под 980 г. о сватовстве князя Владимира к Рогнеде²⁴. Приведем все три текста:

«Повесть временных лет» (980 г.)	Лавр. (1128 г.)	МС (1128 г.)
«И сѣде в Новѣгородѣ, и посла ко Рогѣволоду Полотъску, глаголя: “Хочю пояти тѣчерь	«О сих же Всеславичих сице есть, яко сказаша вѣдуици преже, яко Роговолду держащю,	«О сих же Всеславичех сице есть, якоже сказаша вѣдуици преже; мы здѣ написахом о них.

¹⁹ Бережков Н. Г. Хронология русского летописания. М., 1963. С. 43; 44, 48, 49, 133, 134.

²⁰ Кузьмин А. Г. Начальные этапы древнерусского летописания. М., 1977. С. 72, 73.

²¹ Шахматов А. А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб, 1908. С. 248.

²² ПСРЛ. Т. I. Стб. 299, 300; Т. 38. Л., 1989. С. 107.

²³ ПСРЛ. Т. VII. С. 28; Т. 25. С. 31.

²⁴ ПСРЛ. Т. I. Стб. 75, 76.

<p>твою собѣ женѣ.” Онъ же рече тѣчери своеи: “Хочеша ли за Володимера?” Она же рече: “Не хочу розути робичича, но Ярополка хочу.” Бѣ бо Рогъволодъ пришелъ изъ заморья, имяше власть свою в Полотскѣ, а Туры Туровѣ, от него же и Туровци прозвашася. И придоша отроци Володимерови, и повѣдаша ему всю рѣчь Рогънѣдину, дѣщерь Рогъволодоу, князя Полотскаго. Володимеръ же собра вои многи, Варяги и Словѣни, Чюдь и Кривичи, и поиде на Рогъволода. В се же время хотяху Рогънѣдъ вести за Ярополка. И приде Володимеръ на Полотескъ, и оуби Рогъволода, и сына его два, и дѣщерь его поя жене...» Далее: «И бѣ же Володимеръ побѣженъ похотью женъскою, и быша ему водимыя Рогънѣдъ, юже посади на Лыбеди, идеже ныне стоить сельце Предѣславино, от неяже роди 4 сыны: Изеслава, Мъстислава, Ярослава, Всеволода, а 2 дщери...»²⁵</p>	<p>и владѣющею, и княжающею Полотскую землю, а Володимеру сущю Новѣгородѣ, дѣтскую сущю, еще и погану. И бѣ оу него оуи его Добрыня воевода, храборъ и наряденъ мужъ. Сей посла к Роговолоду и проси оу него дщере его за Володимера. Он же рече дѣщери своеи: “Хощеша ли за Володимера?” Она же рече: “Не хочу розути робичича, но Ярополка хочу.” Бѣ бо Роговолодъ пришелъ изъ заморья, имяше власть свою Полтескъ. Слышавше же Володимеръ, разгнѣвася о той рѣчи, оже рече “не хочу я за робичича”. Пожалися Добрыня, и исполнися ярости. И поемше вои, и идоша на Полтескъ, и побѣдиста Роговолода. Рогъволодъ же вбѣже в городъ, и приступивъше к городу, и взяша городъ, и самого князя Роговолода яша, и жену его, и дщере его. И Добрыня поноси ему, и дщери его, нарекъ ей робичича, и повелѣ Володимеру быти с нею пред отцомъ ея и матерью. Потом отца ея оуби, а саму поя женѣ и нарекоша ей имя Горислава, и роди Изяслава. Поя же пакы ины жены многи и нача ей негодovati. Нѣколи же ему пришедшу к ней и оуснувшю, хотѣ и (его. — А. Р.) зарѣзати ножемъ, и ключися ему оубудитися, и я ю за руку. Она же рече: “Сжалиласи бяхъ, зане отца моего уби и землю его полони мене дѣля, и се нынѣ не любииши мене съ младенцемъ</p>	<p>Во дни Святослава Игоревича, отца великого князя Владимира, некий князь прииде из заморья, именем Роговолод, и сѣде в Полотсѣ, княжачи. Володимеру же тогда сущю в Новѣгородѣ, младу еще и погану, и бѣ у него оуи его воевода Добрыня, и храбру сущю; и посла сей къ Роговолоду, прося у него дщери его за Володимера, Рогънѣди. Она же не хотяше, но рече отцу своему: “Не хощю за робичича, но за Ярополка хочу”. И исполнился ярости Добрыня, собрав вой, иде с Володимером к Полотцку на Роговолода, и взяша град, и самого яша, и жену его, и дщере. И повелѣ Добрыня Володимеру быти с Рогнедью пред отцомъ ея и пред матерью; потом же уби отца ея и матерь, а самое себѣ поя женѣ, нарекоша имя ей Горѣслава, от неяже родился Изяслав. Потом же пакы Володимер поять жены многи, о сей же небрежаше. Нѣкогда же ему пришедшу и оуснувшю, она же хотѣ его ножем зарѣзати; Володимер же возбудися, имъ ея за руку, рече: “Что се твориши?” Она же отвѣща: “Съжалихся, зане убил еси отца моего мене дѣля, и землю его полони; нынѣ же мя не любииши и сына моего”. Володимер же хотя убити ю, и повелѣ ей устроитися во всю царскую утварь, яко в день посягания, и сѣсти ей повелѣ на постели своей во хранинѣ светлѣ, яко да пришед, поткнетъ ю. Она же</p>
--	--	--

²⁵ Совпадающий текст во всех трех отрывках выделен полужирным шрифтом.

	<p>сим.” И повелѣ ея оустроитися во всю тварь цесарьскую, якоже в день посага ея, и сѣсти на постели свѣтлѣ в храминѣ, да пришедь, потнетъ ю. Она же тако створи, и давши же мечь сынови своему Изяславу в руку нагъ, и рече: “Яко внидетъ ти отецъ, рци, выступя: “Отче, еда единъ мнишися ходя.” Володимеръ же рече: “А хто ты мнѣль сдѣ?” И повергъ мечь свои. И созва боляры, и повѣда им. Они же рекоша: “Оуже не оубии ея дѣтяти дѣля сего, но въздвигни отчину ея, и даи еи с сыном своимъ.” Володимеръ же оустрои городъ и да има, и нарече имя городу тому — Изяславль. И оттолѣ мечь взимають Роговоложи внуци противу Ярославим внуком».</p>	<p>такое сотвори, и введе къ себѣ сына своего Изяслава, и да ему мечь нагъ въ руку, и повелѣ ему стати за собою, рекъ: “Егда внидетъ отецъ ти, рци, выступя: “Отче! Егда единъ мнишися ходя?” Володимеръ же рече: “А кто ты мниль здѣ?” И повергъ мечь свой, отъиде; и тако избавися Рогнѣдь отъ смерти. Володимеръ же созва боляры и повѣда имъ ее; они же рекоша ему: “Уже не убивай ея дѣтяти дѣля сего, но въздвигни ей отчину съ сыномъ ея”. Володимеръ же устрои има городъ, и нарече и Изяславль. И оттолѣ взимають Роговоложи внуци мечь противу Ярославимъ внуком».</p>
--	---	--

Едва ли случайно повествование об истоках вражды потомков Роголода и Ярослава было помещено в летописях под 1128 годом. Как мы уже знаем, под 1127 годом в них подробно рассказывалось об общерусском походе князей на Полоцкую землю, а уже через год (в 1129) полоцкие князья были высланы в Византию. Тематически рассказ, начинавшийся словами «О сих же Всеславичих...», соотносился именно с «полоцкими известиями» конца 1120-х г. Кроме того, он никак не был связан с предыдущим и последующим летописным известиями и имел характер вставки в летопись.

Между текстом ПВЛ и рассказом «О сих же Всеславичих...» есть несколько существенных разногласий.

Во-первых, в тексте ПВЛ князь Владимир действует как вполне самостоятельный правитель (посылает посольство к Роголоду, идет на него войной). В рассказе «О сих же Всеславичих...» главным действующим лицом становится дядя Владимира, воевода Добрыня, который отправляет посольство к полоцкому князю, является инициатором похода на Роголода, а затем «повелѣ Володимеру быти с нею (Рогнедой. — А. Р.) пред отцомъ ея и матерью». Сам же Владимир был на тот момент «детьск».

Во-вторых, сватовство князя Владимира к Рогнеде ПВЛ относит к 980 году. По одной из редакций рассказа (в Лавр. и др.) «О сих же Всеславичих...» установить время конфликта между Полоцком и Новгородом невозможно. Однако другая редакция рассказа, сохранившаяся в МС, относит конфликт «ко дням Святослава Игоревича». Исследования А. Н. Насонова показали, что в составе МС сохранились оригинальные известия, которые «неизвестны по другим летописям и должны быть возведены к какому-либо южнорусскому источнику конца XII в. (6626—6704) и к владимирскому своду первой трети XIII в. (6715—6728)»²⁶. В любом случае указание на «дни Святослава Игоревича» как время конфликта между Роголодом и Владимиром, следует принять

²⁶ Лурье Я. С. Общерусские летописи XIV—XV в. Л., 1976. С. 154.

во внимание. По ПВЛ Святослав разделил Русскую землю между своими сыновьями в 970 г.: старшему (Ярополку) достался Киев, среднему (Олегу) — Древланская земля, а младшему (Владимиру) — Новгород. После этого Святослав Игоревич отправился в свой второй Балканский поход и на Русь уже не вернулся (он погиб весной 972 года у днепровских порогов)²⁷. Таким образом, конфликт по рассказу «О сих же Всеславичих...» в МС имел место в 970—972 г., сразу после раздела Русских земель Святославом, когда и Владимир (под руководством Добрыни), и Ярополк стремились привлечь Рогволода на свою сторону, женившись на его дочери Рогнеде²⁸.

В рассказе ПВЛ тоже есть внутренняя логика: Владимир и Ярополк стремятся привлечь на свою сторону Рогволода, в кульминационный момент борьбы за гегемонию над всей Русской землей (980 г.) женившись на его дочери Рогнеде. К соотношению рассказов ПВЛ под 980 г., Лавр. и МС под 1128 г. мы вернемся позднее.

В-третьих, в ПВЛ вполне определенно говорится, что у Рогнеды и Владимира было 4 сына — Изяслав, Мстислав, **Ярослав** и Всеволод, в тексте же Лавр. и МС идет речь лишь об одном сыне — Изяславе. Таким образом, получается, что «Ярославлі внуки» не являются при этом и «Роговоложими внуками».

Итак, из рассказа «О сих же Всеславичих...» мы узнаем, что причиной ссылки полоцких князей в Византию могла быть некая исконная вражда потомков Рогволода и потомков Ярослава.

Кроме того, в летописях присутствует еще одно объяснение причин ссылки Полоцких князей в Византию. Мы находим его в Ипатьевской летописи (далее — Ипат.) в летописной статье 6648 г. в связке с сообщением о возвращении из Царьграда двух полоцких княжичей²⁹. Н. Г. Бережков относил летописную статью 6648 г. к 1139/40 мартовскому году и отмечал, что известие о приезде на Русь полоцких княжичей «возможно ... являлось вставкой в основной состав статьи, заимствованной из дополнительного источника»³⁰. Более уместно это объяснение причин ссылки Всеславичей в Византию выглядит в МС и Воскр.: сразу же вслед за сообщением о самой высылке³¹. Приведем здесь оба фрагмента:

МС 1129 г.	Ипат. 1139/40 г.
Того же лета поточи Мъстиславъ князи Полоцкіе Царюграду и со женами и съ дѣтми; зане не бяху въ воли его и не послушаху его, егда зовяшеть и (их. — А. Р.) въ Русскую землю въ помочь. И разгнѣвася на ня Мъстиславъ и хотѣ на нихъ ити; не лзѣ бяше тогда, Половци бо налегаша на Русскую землю, и тамо стояшеть, бѣяся и перемагаяся съ ними. ... Егда же упразнися Мъстиславъ отъ рати, и помяну пръвѣй гнѣвъ свой: пославъ по Кривскіе князи, по Давыда, и по Ростислава, и Святослава, и Рогволодича два, по Василя и по Ивана; въсаждавъ ихъ въ лодии, поточи ихъ ко Царюграду за ослушание ихъ (выделено нами — А. Р.), и по городомъ ихъ посажа мужи своя.	В то же время взидоста княжича два ись Царягорода, заточени били Мъстиславомъ, великымъ княземъ Киевскимъ; зане не бяхоуть его воли и не слышахоуть его, коли е (их. — А. Р.) зовяшеть Роускую землю в помочь, но паче молвяху Бонякови шелоудивому во здоревье. И про се Мъстиславъ разгнѣвася на нѣ и хотяше на ня ити, но нѣлзѣ бо бяшеть ити, зане бяху бо тогда налегли Половци на Роусь и томуо стояшеть, бѣяся с ними перемагаяся. ... И оупорозньяся Мъстиславъ от рати и помяну первѣи, посла по Кривитьстѣи князе, по Давыда, по Ростислава, по Святослава, и Рогъволодича два, и оусажа оу три лодѣи, и поточи и Царюграду за неслоушание ихъ , а моужи свои посажа по городомъ их.

²⁷ ПСРЛ. Т. I. Стб. 69, 74.

²⁸ Возможна и другая трактовка фразы «во дни Святослава Игоревича» — как указание на время прихода Рогволода «из заморья» в Полоцк.

²⁹ ПСРЛ. Т. II. Стб. 303, 304.

³⁰ Бережков Н. Г. Хронология русского летописания. С. 139.

³¹ ПСРЛ. Т. VII. С. 28; Т. 25. С. 31.

Очевидно, что мы имеем дело с двумя вариантами одного и того же рассказа, объясняющего причины ссылки полоцких князей в Византию. В данном случае летописец утверждает, что причиной высылки было *нежелание Всеславичей помочь Мстиславу в борьбе с половцами*, их «неслушание» или «ослушание» призыву киевского князя.

Рассказ «О сих же Всеславичих...» и отрывок из Ипат., МС и Воскр. называют две принципиально разные причины вражды. Это два фрагмента, текстуально никак не связанные между собой.

Иную точку зрения по данному вопросу высказал в свое время А. А. Шахматов. Он считал, что на самом деле «вставка о Всеславичах (рассказ “О сих же Всеславичих...” — А. Р.), читаемая под 6636 годом, разъясняет сообщение 6637 года о поточении Всеславичей Мстиславом». Из данного предположения ученый делал вывод, что вставка «О сих же Всеславичих...» первоначально читалась под 6637 годом непосредственно за словами «... и по городом их посажа мужи своя» (из МС и Воскр.). Более того, эта вставка, по мнению ученого, могла восходить только к общерусскому своду, из которого она попала под 6636 г. ошибочно. Шахматов заключает: «Вывод наш подтверждается тем, что в общерусском своде, по свидетельству Ипат. и Воскр., статья о поточении Мстиславом Всеславичей была изложена в полном виде под 6637 годом»³².

Мы не можем согласиться с данным утверждением. Во-первых, в ранней летописной традиции, представленной Лавр. и Ипат., существует достаточно четкое разграничение двух объяснений причин высылки Всеславичей в Константинополь: в Лавр. помещен рассказ «О сих же Всеславичих...» под 6636 годом, в Ипат. — фрагмент о «непослушании» полоцких князей под 6648 г. Более того, между сообщениями в Лавр. и Ипат. о самой высылке полоцких князей под 6637 г. существуют существенные отличия³³. Сравним:

Лавр. 1129 г.

В то же лѣто поточи Мстиславъ князи
Полотьскыѣ Цесарюгороду с женами и с дѣтьми

Ипат. 1129 г.

В се же лѣто поточи Мъстиславъ Полотьскыи
князь съ женами и с дѣтьми въ **Грѣкы**, еже
преступиша хрестъное челованне (выделено
нами. — А. Р.)

Очевидно, что в Лавр. рассказ «О сих же Всеславичих...» не мог читаться вслед за словами «... и по городам их посажа мужи своя», которые есть в Ипат. (под 6648 г.) и МС, потому что этих слов в Лавр. не было вовсе. Автор Лавр. ничего не говорит о нарушении полоцкими князьями крестного целования, о борьбе Мстислава с половцами и т. д., так же как автор Ипат., не знает о существовании рассказа «О сих же Всеславичих...» Шахматов верил в существование некоего «общерусского свода», в котором статья под 6637 годом была изложена «в полном виде», т. е. в ней якобы текст Лавр. под 6636 г. следовал за текстом Воскр. под 6637 г. Нам кажется очевидным, что на самом деле существовало две традиции — Лавр. и Ипат., которые в XV веке были механически соединены в МС. Воскр. же является позднейшей переработкой МС. Я. С. Лурье отмечал, что составитель МС пользовался «особой обработкой» свода 1448 г. Современными исследователями (А. Г. Бобровым и Б. М. Клоссом) время создания данного свода-протографа Новгородской IV и Софийской I летописей определяется как 1418 г.³⁴ Единственное, чего мы не знаем: на каком этапе фрагмент под 6648 г. о причинах ссылки Всеславичей был перенесен в текст летописной статьи 6637 года. Существует вероятность, что данный фрагмент находился в составе летописной статьи под 6637 г. изначально, а затем был перенесен в сообщение 6648 года составителем Ипат.

³² Шахматов А. А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. С. 248.

³³ ПСРЛ. Т. I. Стб. 301; Т. II. Стб. 293.

³⁴ Клосс Б. М. Второе предисловие к изданию 2000 г. // ПСРЛ. Т. IV. Ч. 1. М., 2000. С. XI–XIV; Бобров А. Г. Из истории летописания первой половины XV в. // ТОДРА. Т. 46. СПб., 1993. С. 7–11.

Что касается той причины ссылки полоцких князей в Византию, о которой говорится в тексте Ипат., то ряд фактов заставляет усомниться в ней. Во-первых, русские летописцы XII века ничего не сообщают о натиске половцев на русскую землю в правление Мстислава Владимировича («Половци бо налегаша на Русскую землю») и о заслугах этого князя в борьбе «с погаными» («с ними перемагаяся се бо Мьстиславъ Великий»); «мужи свои посла, загна Половци за Дон и за Волгу, за Гийкъ»). Наоборот, под 6634 годом летописец сообщает, что Ярополк Переяславльскій разбил половцев, грабивших Посулье, без помощи Мстислава и других братьев («не жда от брата помощи, ни от другаго, толко с Переяславци») ³⁵. Во-вторых, полоцкие князья никогда не участвовали в борьбе русских князей — потомков Ярослава — с половецкой угрозой. Единственным Всеславичем, ходившим на половцев вместе с остальными Рюриковичами, был в 1103 г. Давыд, по иронии судьбы оказавшийся в числе полоцких князей, сосланных в Константинополь якобы за неучастие в борьбе со степняками.

У полоцких князей, впрочем как и у Новгорода, отсутствовал стимул участвовать в борьбе с половцами: слишком далеко находился лесной Полоцк от степных рубежей. Неучастие Всеславичей в половецких походах остальных Рюриковичей в качестве причины ссылки в Византию выглядит неубедительно. Более того, в Псковских летописях и Тверском сборнике XVI века сохранилось известие, показывающее диаметрально противоположное отношение к событиям 1129 года — рассказ о примирении старшего сына Мстислава Великого Всеволода с сыном Святослава Всеславича, сосланного в Константинополь, полоцким князем Васильком. Данное событие относится к 1137 году: «пойде (Всеволод Мстиславич. — А. Р.) изъ Вышегорода съ братомъ Святополкомъ, и проводи ихъ до Плескова Василко Полоцкый. Идущу ему (Всеволоду. — А. Р.) мимо Полотескъ, самъ [Василько] выиха къ нему и проводи его съ многою честью, заповѣди же ради Божіа **забы злобу отца ихъ Мьстислава, что бяшетъ сътворилъ всему роду его**; вшедшу ему въ рудѣ его, къ нему (ко Всеволоду. — А. Р.), и ничто же о немъ лукавно помысли, якоже подобаше челоуѣческому естеству; но и крестъ межи собою цѣловаста, яко **не поминати что ся удѣало в пръвое** (выделено нами. — А. Р.); на всю правду дався, и тако добрѣ проводи его» ³⁶. Летописец говорит о «злобе» Мстислава Киевского, безусловно имея в виду акт высылки Всеславичей в Византию. Он осуждает действия киевского князя и, наоборот, восхваляет действия Василька Полоцкого.

Таким образом, мы вынуждены признать несоответствующими действительности доводы летописца, будто истинной причиной ссылки полоцких князей в Константинополь было их неучастие в борьбе русских князей против половцев во второй половине 1120-х г.

* * *

Вернемся к рассказу «О сих же Всеславичих...» Происхождение данного отрывка в составе Лавр. и МС до сих пор остается до конца не выясненным. Первая часть рассказа — о сватовстве Владимира к Рогнеде — во многом совпадает с текстом ПВЛ под 980 г. А. А. Шахматов предпринял попытку доказать принадлежность отрывка «О сих же Всеславичих...» к Новгородскому своду XI века. В его основе лежало, по мнению ученого, «народное новгородское предание», на что указывает превосходство новгородцев над полочанами в рассказе, а также активная роль Добрыни («а Добрыня... являлся действующим лицом именно в новгородских сказаниях») ³⁷. В Новгородском своде рассказ был помещен под 970 г., сразу же после слов «и иде Володимер с Добрынею, уем своим, Новугороду» (см. текст ПВЛ под тем же годом ³⁸). Редактор Начального свода 1095 г., по мнению Шахматова, заимствовал рассказ о сватовстве Владимира из Новгородского свода, при этом переработав его: события были перенесены с 970 на 980 г. (таким образом, Добрыня перестал быть главным действующим лицом и попросту «исчез» из рассказа);

³⁵ ПСРЛ. Т. II. Стб. 289, 290.

³⁶ ПСРЛ. Т. XV. Стб. 199; Псковские летописи. Т. I. М., 1941. С. 10.

³⁷ Шахматов А. А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. С. 173, 174.

³⁸ ПСРЛ. Т. I. Стб. 69.

был вставлен эпизод о Туре — основателе Турова; Рогнеда стала «невестой Ярополка» — таким образом, «завладение Рогнедой было, в сущности, отнятием невесты у Ярополка»³⁹. Вторая часть рассказа — о судьбе Рогнеды в браке за Владимиром — не попала в ПВЛ вовсе. Как же она была включена в Лавр.? По мнению Шахматова, обе части рассказа продолжали существовать в качестве отдельного «Сказания о Рогнеде», затем попали в общерусский свод 1305 г., а из него — в Лавр.

Еще раз обратимся к имеющимся фактам. Во-первых, рассказ «О сих же Всеславичих...» носит явные черты устного предания. Довнар-Запольский отмечал: «В рассказе летописи о походе Владимира на Полоцк, о сватовстве двух князей к Рогнеде несомненно слышится предание, может быть, дружинная песня, сложенная про добывание Владимиром красавицы-невесты, о препятствиях к этому браку и о победе, одержанной над гордой красавицей...»⁴⁰ К схожему выводу после анализа отрывка из Лавр. пришел Д. С. Лихачев: «Историческое предание это летописец передает уже не со слов какого-либо представителя рода Добрыни, а как народную молву. На это прямо указывают первые же слова рассказа: “О сих же Всеславичих сице есть, яко сказаша ведушии прежд” ... Приведа это историческое предание о Владимире и Рогнеде-Гориславе, летописец замечает: “И оттоле мечь взимають Роговоложи внуци противу Ярославим внуком”, мотивируя тем самым вставку в летописный текст народного сказания»⁴¹. Шахматов же утверждает, что под 1128 г. в Лавр. мы имеем «статью, восходящую, как видно из ее содержания, к древней летописи и при том — можно думать — именно к Новгородской, ибо древняя Киевская летопись нам так или иначе известна по “Повести временных лет”»⁴² (выделено нами. — А. Р.). Аргументация ученого по крайней мере спорна: из содержания рассказа «О сих же Всеславичих...» не следует вовсе, что он взят из новгородской летописи. Создается впечатление, что Шахматов, сконцентрировавшийся на поиске аргументов в пользу существования Новгородского свода XI в., ставшего основой для создания Начального свода 1095 г., не заметил, что рассказ о Владимире и Рогнеде носит характер устного предания, включенного в ткань летописного повествования в Лавр. для объяснения причин вражды Роговолодовичей и Ярославичей. Заметим, что соотношение между устным преданием, известием ПВЛ 980 г. и Лавр. до конца определить не представляется возможным. Существует две принципиально разные интерпретации:

1. Автор ПВЛ использовал устное предание для своего рассказа под 980 г. Затем автор известий Лавр. за 1120-е г. использовал текст ПВЛ и устное предание для создания отрывка под 1128 г.
2. На основе устного предания было создано письменное «Сказание о Рогнеде» (название условно), переработанное автором ПВЛ. Затем автор Лавр. включил письменное «Сказание о Рогнеде» в летопись под 1128 г.

Мы склоняемся к первой схеме. Во-первых, фраза «яко сказаша ведушии прежд» свидетельствует о включении устного рассказа в летопись непосредственно. Факт включения в Лавр. непосредственно устного предания косвенно подтверждает следующая деталь: в последней фразе отрывка потомки Ярослава Мудрого названы «внуками Ярославлими», т. е. потомками Ярослава начиная со второго колена и далее. Очевидно, что предание не могло быть записано раньше конца XI — начала XII в. Включение рассказа в летописный текст конца 1120-х годов претендует на особую актуальность: ведь именно в этот период мы видим апофеоз борьбы «внуков Ярославлих» с полоцкими князьями. Во-вторых, только использованием **одновременно** текста ПВЛ и устного предания можно объяснить тот факт, что в рассказе 1128 г. все смешалось: совсем юный Владимир «во времена Святослава Игоревича» (по МС) соперничает со своим братом Ярополком за руку Рогнеды Полоцкой. Упоминания о Ярополке в устном предании о Владимире и Рогнеде, по-видимому, не было. Это лишняя деталь, взятая автором Лавр. из ПВЛ.

³⁹ Шахматов А. А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. С. 250, 251.

⁴⁰ Довнар-Запольский М. В. Очерки истории Кривичской и Дреговичской земель до конца XII века. С. 70.

⁴¹ Лихачев Д. С. «Повесть временных лет» (Историко-литературный очерк) // Повесть временных лет. М.; Л., 1950. Ч. 2. С. 17.

⁴² Шахматов А. А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. С. 247.

Обращаясь к текстам русских летописей второй половины XI — первой трети XII в., нетрудно заметить, что отношения между полоцкими князьями (Всеславом и его сыновьями) и остальными Рюриковичами (потомками Ярослава Мудрого) были враждебными. Здесь уместно вспомнить ряд эпизодов, указывающих на особую жестокость и бескомпромиссность борьбы: нападение князя Всеслава Полоцкого на Новгород и его разграбление в 1066 г.; ответный поход Ярославичей на Минск, битва Изяслава, Святослава и Всеволода с Всеславом Полоцким на Немиге, пленение Всеслава, в нарушение крестоцеловальной клятвы, во время мирных переговоров «на Рши у Смоленска» (1067 г.); разграбление Владимиром Мономахом окрестностей Минска (нач. 1080-х г.); нападение князя Глеба Всеславича Минского на Слуцк и ответный поход Ярославичей на полоцкие владения, в ходе которого был взят «на щит» Друцк, а его жители переселены в город Жельди в Киевской земле (1116 г.); пленение Глеба Минского Владимиром Мономахом (1117 г.), смерть Глеба в Киевском плену (1119 г.)⁴³.

Представляется важным еще раз отметить, что отношения между Изяславичами и Ярославичами были особенными, из ряда вон выходящими. Довнар-Запольский дает им следующую характеристику: «Непрерывная борьба, примеров жестокости которой нет в ... нашей древней истории...»⁴⁴ Пожалуй, схожий характер борьбы в данный период мы встречаем лишь между русскими князьями и половцами. Однако цели Ярославичей в борьбе против полоцких князей и против половцев, очевидно, были различными. Если против половцев-язычников шла война на уничтожение, то в сражениях с православными полоцкими князьями — Рюриковичами потомков Мудрого интересовал захват территории. За вторую половину XI — первую треть XII в. Ярославичам дважды удавалось закрепиться в Полоцке: в 1068—1071 г. там правили князья Мстислав и Святополк Изяславичи, а в 1129—1132 г. — Изяслав и Святополк Мстиславичи. Кроме того, с 1117 года Минск находился под контролем Владимира Мономаха и его потомков. По-видимому, в это же время Витебск оказывается во власти Мономашичей: до 1165 года о нем нет упоминаний вовсе, а в 1165 г. в нем сидит князь Давид Ростиславич (правнук Мономаха), в 1196 году он прямо назван владением смоленских князей⁴⁵. Таким образом, шла речь не об уничтожении полоцких князей, а об их нейтрализации: два раза они находились в плену в Киеве — в 1067—1068 г. Всеслав Полоцкий с двумя сыновьями и в 1117—1119 г. Глеб Всеславич Минский. Мстислав Владимирович пошел дальше своих предшественников: он выслал Изяславичей в Константинополь и овладел всеми их княжениями.

Автор Лавр., включивший в текст летописи рассказ «О сих же Всеславичих...», помог нам добраться до сути проблемы: есть Ярославичи и есть Рогволодичи. По сути, мы имеем дело с двумя особыми группами в составе одного рода. Каждая из групп закрепила свою власть над особой территорией и претендовала на территорию соседа. Территориальные переделы происходили внутри каждой из групп. Именно поэтому Всеслав Брючиславич Полоцкий никак не фигурировал в завещании Ярослава Мудрого и не присутствовал на семейном съезде Ярославичей в Любече. Таким образом, мы можем говорить о принципиальном разделении внутри рода Рюриковичей на линию Ярославичей и линию Изяславичей. В рассказе «О сих же Всеславичих...» это разделение проводится очень четко: Изяславичи называются *Рогволодичами*, т. е. потомками не-Рюриковича Рогволода и его дочери Рогнеды, русский книжник XII в. «забывает», что у Рогнеды были еще сыновья и в их числе Ярослав, т. е. Ярославичи на самом деле тоже потомки Рогволода и Рогнеды!

⁴³ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов (далее — НПЛ). М.; Л., 1950. С. 17, 186; ПСРЛ. Т. I. Стб. 166, 167, 248; Т. II. Стб. 155, 156, 282, 283, 285.

⁴⁴ Довнар-Запольский М. В. Очерки истории Кривичской и Дреговичской земель до конца XII века. С. 96.

⁴⁵ ПСРЛ. Т. II. Стб. 525, 693. (См. подробный разбор сведений о Витебске за XI—XII в. в статье: Богданов В. П., Рукавишников А. В. Взаимоотношения полоцких и смоленских князей в XII — первой трети XIII века // Вопросы истории. 2002. № 10. С. 23 и далее).

Мы имеем дело с ярким примером манипуляции семейной памятью ради оправдания политических действий. В 1120-е годы Мстиславу и его союзникам было абсолютно невыгодно помнить, что они также произошли от Рогволода и Рогнеды.

Есть и другие свидетельства, показывающие, насколько *принципиальным* было разделение на Рогволодичей и Ярославичей.

В I редакции «Истории Российской» В. Н. Татищева под 1167 годом мы обнаруживаем следующую запись: «Всеслав, сядя во Киеве, посла к новгородцем по дань. Новгородцы же реща: “Княже, мы есмь **племяни Ярославлю** крест целовахом на его дети и внучати, а **ты еси не от племяни Ярославля** (выделено нами. — А. Р.); и ко Полоцку дани отцы и деды наши не давали и тебе дати не хотим, а бери со своя волости”»⁴⁶. К сожалению, нам неизвестно, откуда российский ученый XVIII века взял этот замечательный отрывок. Во II редакции труда мы его уже не находим. Сам же отрывок крайне любопытен. Он подтверждает право Рогволодичей «на дань» только с территории Полоцкой земли. В связи с этим нас не должен удивлять факт того, что в 1180 году новгородский князь Мстислав Ростиславич Храбрый собирался «оправити Новгородскую волость и обиду» за то, что в 1066 г. (!) Всеслав Полоцкий «ходил ... на Новьгородъ, и взялъ ерусалемь церковныи и сосоуды слоужебныѣ, и **погость одинъ** (выделено нами. — А. Р.) завель за Полтескъ»⁴⁷. Как видим, захват одного погоста полоцким князем 114 лет назад был серьезным основанием для начала усабицы между новгородцами и полочанами, Ярославичами и Изяславичами.

Это же *принципиальное* разделение Рюриковичей на Изяславичей и Ярославичей читается в записи летописца под 6730 г. в младшем изводе НПЛ: «А Ярославичи, смоляне взялъ Полтескъ, генваря въ 17, при князь Борисъ и Глѣбъ»⁴⁸. Текст сообщает о взятии Полоцка смоленскими князьями, но подчеркнуто называет их **потомками Ярослава**. Тем самым выделяется символическое значение захвата Полоцка Ярославичами.

Кроме приведенных примеров есть еще одна группа фактов, наиболее ярко свидетельствующая о принципиальном разделении русских князей на Изяславичей и Ярославичей. Мы бы хотели обратить внимание на столь характерный признак идентификации рода, как имя, т. е. название человека, даваемое при рождении его родителями. В случае полоцких князей данный признак имеет исключительное значение.

Изучив имена всех Рюриковичей XI — первой половины XIII в., мы обнаруживаем, что среди полоцких князей встречаются два представителя с именем «Рогволод» (Рогволод-Борис Всеславич, его сын Василий-Рогволод)⁴⁹, пять представителей с именем «Всеслав» (Всеслав Изяславич, Всеслав Брячиславич, Всеслав Василькович, Всеслав Друцкий, Всеслав Микулич Логожский)⁵⁰, четыре — с именем «Брячислав» (Брячислав Изяславич, Брячислав Давидович Изяславльский, Брячислав Василькович, Брячислав Полоцкий, тесть Александра Невского)⁵¹; сестру Ефросиньи Полоцкой звали Горислава, что соответствует второму (славянскому) имени

⁴⁶ Татищев В. Н. История Российская. Т. IV. С. 155.

⁴⁷ ПСРЛ. Т. II. Стб. 608.

⁴⁸ НПЛ. С. 263.

⁴⁹ В Ипат. под 1192 г. встречается некто по имени Рогволод, действующий в Южной Руси: «Тое же осени сдоумаша лѣпшии моужи в Черныхъ Клобоуцѣх и почаша просити оу Рюрика сына Ростислава на Половцѣ на Дунаи. И посла Ростиславъ **Рогъволода** (выделено мною. — А. Р.) к отцу, просяся с Черными Клобоуки на Половци, и не поустити его отечь». (ПСРЛ. Т. II. Стб. 674.)

⁵⁰ В Ипат. под 1199 г. упоминается *дочь* князя Рюрика Ростиславича Киевского с именем Всеслава. (ПСРЛ. Т. II. Стб. 708.)

⁵¹ В Лавр. и Ипат. упоминается младший сын Святополка Изяславича Брячислав, но здесь надо иметь в виду особые обстоятельства, предшествовавшие его рождению: «Сего же лета исходяща посла Святополк Путятю на Менескъ, а Володимеръ сына своего Ярополка, а Олегъ сам иде, на Глеба, поемше Давыда Всеславича, и не успеха ничтоже, и возвратишася опять. И родися оу Святополка сынъ, и нарекоша имя ему Брячиславъ...» (ПСРЛ. Т. I. Стб. 280.) Возможно, княжеским именем Давыда Всеславича, союзника Святополка, было Брячислав. Кстати, сына Давыда действительно звали Брячиславом. (ПСРЛ. Т. I. Стб. 298; Т. II. Стб. 292).

Рогнеды в рассказе «О сих же Всеславичих...»⁵² Кроме упомянутых в примечаниях исключений (дочь Рюрика Ростиславича с именем Всеслава и сын Святополка Изяславича с именем Брячислав), среди потомков Ярослава имена «Роговолод», «Всеслав» и «Брячислав» отсутствуют. Среди полоцких же князей они пользовались большой популярностью. Интересно, что имя «Изяслав», в отличие от предыдущих, среди Ярославичей было одним из самых популярных: более 10 представителей в домонгольский период. «Изяслав» было именем одного из сыновей Ярослава Мудрого. Этот факт легко объясняется тем, что на самом деле Изяслав был единоутробным братом Ярослава Владимировича; имя «Изяслав» являлось общим для всех Владимировичей — и Изяславичей, и Ярославичей.

Таким образом, своеобразие имен представителей полоцкой линии в составе рода Рюриковичей свидетельствует о самоидентификации Изяславичей как **особой ветви Рюриковичей—Роговолодовичей**.

Итак, подводя итоги нашему исследованию, следует сказать, что источники позволяют ответить на вопрос, почему полоцкие князья были сосланы в Византию. Ссылка Изяславичей явилась закономерным итогом борьбы двух враждебных друг другу линий внутри княжеского дома Рюриковичей за право обладания определенной территорией — Полоцкой землей. Высшей точкой борьбы была попытка Мстислава Владимировича лишить Изяславичей прав на Полоцкую землю не только путем их высылки в Византию, но и путем внесения изменений в историческую память рода — полоцкие князья были объявлены *Роговолодовичами, квази-Рюриковичами*, кровными врагами Ярославичей. Таким образом, изгнание по возможности всех Изяславичей за пределы Руси было одним из пунктов плана Мстислава по включению Полоцка в состав своих владений. Кто знает, удалось ли бы им вернуться на Русь, если бы киевский князь не умер так рано (в 56 лет, через 3 года после ссылки полоцких князей)⁵³.

⁵² ПСРЛ. Т. I. Стб. 129, 146, 155, 163, 164, 166, 171–174, 182, 193, 248, 274, 298, 299, 311, 374, 403; Т. II. Стб. 114, 133, 143, 151, 155, 156, 160–164, 185, 194, 250, 292, 293, 314, 445, 493–496, 505, 509, 511, 512, 519, 526, 527, 598, 608, 620; НПА. С. 289.

⁵³ У нас практически нет данных о пребывании полоцких князей в Константинополе. Византийские источники молчат, а данные В. Н. Татищева о том, что «царь же прият я (их. — А. Р.) и даде им корм доволен, а они служату царь в воинстве противу срацын» (Татищев В. Н. История Российская. Т. IV. С. 188), не находят подтверждения среди дошедших до наших дней источников. Существует любопытное известие из рассказа о поездке новгородского боярина Дмитрия Ядрейковича (будущего архиепископа новгородского Антония) по «Святým местам» в самом конце XII — начале XIII в.: будто бы в церкви святого Михаила в местности Эстий, на правой стороне Понта «лежит блаженная княгиня Ксения Брячиславля» (Путешествие новгородского архиепископа Антония в Царьград в конце XII-го столетия. СПб., 1872. Стб. 177). Очевидно, что идет речь о жене некоего князя Брячислава. Как мы уже отмечали, «Брячислав» — имя, традиционное для линии полоцких Изяславичей. По совокупности фактов мы имеем право полагать, что в церкви святого Михаила была похоронена жена одного из полоцких князей, отправленных в ссылку Мстиславом. А не была ли это дочь самого Мстислава, упоминаемая в известии о походе коалиции русских князей на Полоцк 1127 года как жена логожского и изяславльского князя Брячислава Давыдовича? (ПСРЛ. Т. I. Стб. 298; Т. II. Стб. 293.) Мы знаем, что Давыд Всеславич был сослан в Византию вместе с детьми, а значит, и с сыном Брячиславом. В таком случае «княгиней Брячиславлей», умершей и похороненной в Византии, могла быть, по иронии судьбы, дочь Мстислава Великого!

